

ОР 84
Р 94
А-386615

ПАВЕЛ РЫКОВ

Из Воспоминательного
рассказы

Оренбург 2021

ор 84
р 94
ор 84
84(2=11.2)6-4

Павел Рыков

**ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР**

Из Воспоминательного

Рассказы

a-386615

Оренбург 2021
Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

кр

КАМУШКИ

Почему-то вспоминается день, когда впервые я оказался на берегу Урала. Наверное, потому, что впервые. Хотя память человеческая устроена затейливо; за что-то цепляется и не отпускает годами. А какие-то события, подробности: люди, звуки, краски, вкусовые ощущения – будто их и не было вовсе. Так вот: приехал на мотоцикле с родителями: папа за рулём, мама на заднем сидении. А я – верхом на баке спереди. По теперешним временам дичайшее нарушение ПДД. А в те поры – без проблем. А ещё какие-то дядьки и тётенки с нами были. Откуда взялись, как звали – не помню. Их как бы нет в памяти. Взрослые полезли в воду, Папа и другие дяденьки плавали. Даже на другой берег махнули. Мама и другие тётенки, повизгивая, зашли в воду, но не глубоко, сели и вместо плаванья принялись разговаривать, как будто в другом месте нельзя поговорить. А я оставлен у самой кромки воды. Ноги в воде и к ним тут же подплыли малюсенькие рыбки и начали носами тыркаться в пальцы. Я испугался. Мама засмеялась и сказала, что они не кусаются. Было жарко. Парило. Мне всё нравилось, кроме панамки на голове. Она мне сразу неглянулась, потому что девчачья. Но если с мамой можно было покапризничать, то с папой такое не проходило. Я наблюдал за рыбками, потом углядел камушки в воде. Красные, двухцветные, как бутерброд с сыром на чёрном хлебе, бордовые, серые, чуть чёрные, совсем чёрные, полосатые, почти прозрачные, белые, с размытыми границами между цветами – всякие. Вода струилась, омывала камушки, они блестели и даже, как мне казалось, некоторые из них светились, вбирая солнечные лучи. Я дивился многоцветью и самые понравившиеся складывал кучкой. Папа плыл вразмах, сажёнками, против течения, бил руками трепещущую на солнце водную рябь. Конечно же, папа плавал лучше всех!

А у противоположного берега движение воды незаметно. В ней отражались: высокий, обрывистый яр, неохватные вязы, оказавшиеся по-над самым обрывом и береговые ласточки, вылетающие из бесчисленных пещерок, чтобы поймать на лету добычу и вновь стремительно юркнуть в своё, ими сотворённое, убежищегнездышко.

Мама спохватилась, заметив, что плечи и спина у меня порозовели от солнца. Намочив рубашку в реке, надела на меня, несмотря на проявленное недовольство. Но, что рубашка, когда горка отобранных мною чудесных самоцветных камушков делалась выше и выше. Благо, пляж и отмель состояли из неисчислимого количества мелких, обточенных течением, отполированных до округлости, кусочков останцов Рифейских гор, меж которых многие тысячелетия подряд река, извиваясь, напружинивая вёснами свои струи, прокладывала путь к Хвалынскому морю. Камушков в моей сокровищнице становилось всё больше. Да вот беда: взятые мною из воды, они начали обсыхать. И куда стало деваться многоцветное роскошество! Словно кто-то поперешный, назло мне, покрывал самоцветное свечение краской пыльного цвета.

Внезапно за деревьями на той стороне реки начало погромы-хивать.

- Гроза! Гроза! – Всполошились женщины. Вышли из воды и отправились за кусты тальника переодеваться.

Папа тоже вышел на берег, и начал подпрыгивать на одной ноге, норовя вытряхнуть воду из уха.

- Ты чего тут? – спросил он меня.

- Почему они – я указал на мои камушки - в воде такие разные и красивые, а на берегу одинаковые и серые?

- Так жизнь устроена, - ответил папа. – Всегда чего-нибудь да не хватает, чтобы всегда было красиво.

Потом с меня сняли мокрые трусики и влажную рубашку. Мама извлекла из сумки всё сухое. Наконец-то снята и девчачья панамка. Жаль! Её наверняка бы сдуло во время езды... От мотоцикла пахло бензином. Машинный запах довлел над влажным запахом реки, накрывшим всё и вся грозовым воздухом, уже пронизываемым первыми каплями дождя и остро и резко усилившимся ароматом густых талов. Пора удирать. Меня папа усадил на бензобак, велел крепко держаться за руль. Мотоцикл фыркнул и мы поехали. Один камушек, самый красивый, хоть и потерявший цвет, я уговорил маму положить в сумку. Дома вознамерился набрать воды в стеклянную банку из-под солонючей каспийской хамсы и оживить моё сокровище. Но, как оказалось, камушками надо любоваться там, на берегу, у живой воды.

Мне кажется, память, как эти камушки. Вроде, и вспоминать нечего – всё серо и однообразно. Но вдруг заблещут на солнце струи чистой проточной уральской воды, томящее запахнет прибрежными талами, затрепещут крылышками, зависнув над израстающими камышами, изумрудные стрекозы, застригут воздух береговые ласточки, добывая пропитание себе и птенчикам. Засияют вновь, обретая цвет, мои камушки. Они, конечно же, не запомнили, как некогда были частицами могучих, до неба вздымавшихся гор.

И вновь проявится всё многоцветье прожитой мною жизни.

ПОЛКАРАВАЯ

Не должен бы я это помнить по моим тогдашним малым летам.

Однако, помню; Поезд звался «Пятьсот Весёлый». В давнюю послевоенную пору ходили поезда с таким прозвищем. Везли они солдат – Армию-Победительницу распускали по домам. Ехали-поспешали, но неспешно, со срывами стоп-кранов, если надо было выходить насупротив родной деревни – не тащиться же, ещё пятьдесят вёрст до какого-нибудь разъезда, а потом пёхом топать обратно. Рванут стоп-кран, поезд разом встанет, люди попадают, кружки опрокинутся, кому-то что-то на голову сверху свалится. Мать-перемать! А герой-освободитель уже бежит, побрякивая медалями, опрометью по жнивью, прижимая рукою выгоревшую пилотку к стриженной макушке, и дела ему нет до нарушения графика движения. Пойди – поймай! Вчини штраф! Ой-ля-ля! Ой-лю-лю! Твою дивизию! Впрочем, я это не помню. Это всё папины рассказы.

Что же помню? Вот что; Вагон общий. Солдаты, солдаты, солдаты... Сидят, жуют, казённую чекалдыкают, у кого запасена, думают-печалуются-радуются, дремлют, горлопанят, кто-то неумело тычет пальцами в клавиатуру роскошного трофея - немецкого аккордеона и тот в ответ белозубо посмеивается над неумехой. По проходу движется безногий солдат в гимнастёрке и пилотке. Он угнезвился на самодельной платформочке, поставленной на четыре подшипника. Пристёгнут к ней ремнём. Подшипники верещат немилосердно. Видно, этот визг и сосредоточил моё, мальцовское внимание на его фигуре. Он едет, а ему подают. Кто что: пару картофелин, может, кусок сала, либо банку, «второго фронта» - американских консервов. А кто-то – это помню совершенно отчётливо – отпластывает «финкой» половину белого хлеба. Не фабричного, пайкового, клёклого «кирпичика». Но от большого каравая домашней выпечки с коричневой верхней корочкой. Днём с огнём такого сейчас не сыскать. Даже в деревнях выпекать разучились. Солдату подают, а он складывает поданое в вещмешок, лежащий у него на обрубках ног – в полбедре. И плачет.

По рассказам родителей, поездка состоялась в 1947 году. Карточки на продовольствие ещё не были отменены. Жилось всем голодно. Скорее всего, поэтому мне запомнилась великая щедрость

полкаравая белого хлеба и солдатские слёзы. Ведь взрослые дяди не должны плакать. Я силюсь, пытаюсь вспомнить, как выглядели мои родители. И не могу. Не помню. А как бы хотелось вновь увидеть их — молодых и счастливых!

Но память возвращает мне лишь полкаравая белого хлеба и скрежет подшипников инвалидской каталки.

БЫТЬ РУССКИМ...

И вот однажды Дед решил, что меня можно и должно брать с собой в баню. Бабушка, конечно же, противилась, выговаривала, мол, парнишку и сама в тазу – воды нагрееу – и преспокойненько вымою. Но разве может Женщина переспорить Деда! В моменты сугубого противостояния он почему-то именовал Бабушку Маланьей, хотя она отродясь по крещению звалась Еленой.

- Молчи, Маланья! – Отрезал Дед и Бабушка смирилась, прошептавши напоследок что-то вроде: «Господисусе... ибо, не ведают, что творят». Что касаясь меня – радости не было предела – я же уже мужчина! Какой может быть таз! А дальше началась упаковка меня во всё ненавистное, тёплое, включая платок, чуть ли ни на голову – но это не дамся! Только на плечи и под пальтецо. А дальше трамвай – и тёмное приземистое здание, из дверей которого при распахивании вырывался пар, на мгновение скрывая портрет товарища Кагановича, зачем-то увенчивающий вход. Помнится, бани звались Хивинскими. Раздевание, сокрытие вещей в шкафчик, приспособливание верёвочной петли с ярлыком-номерком от шкафа на запястье также помню, потому что впервые и в диковинку. Затем блуждание по залу, полному моющихся. Не вдруг, но нашлась свободная шайка, поскольку некоторые, аж с тремя сидели: в одной ноге парили, в другой мыло разводили, а третью припасали тёплую воду на обмывочку.

- А теперь в парилку! – Скомандовал Дед.

Я беспечально шествовал впереди, а сзади Дед с шайкой. Кстати, на мой вопрос: почему шайка, а не тазик, Дед ответил проще некуда: « Так заведёно».

А в парной... Ох, мне сразу не глянулось это помещение. Даже внизу жарко и пахло чем-то незнакомым. Слева кирпичная стена с железной дверцей, а дальше широкие ступени, идущие наверх в темноту.

- Ого-го! – раздался голос из темноты. – С новобранцем! Пошли к нам, парень!

- Иди-иди, - сказал Дед, - тебя зовут. – И легонько подтолкнул меня ладонью в спину.

Я ступил на одну ступеньку, потом на вторую – охоньки! Жарынь охватила всего, и я скатился вниз.

- Ха-ха-ха! - Засмеялись наверху в темноте в несколько голов.

- Иди, - повторил Дед

- Деда! Там жарко. Пошли домой. Меня бабушка помое.

- Бабушка? - Загрохотало сверху. - Может, этта девчонка?

Еяны: у него писюлёк есть ли?

- Деда... совсем жалобным голосом заканючил я.

- Старшина! - Вновь зазвучал всё тот же голос сверху. - Дык, он может и не русский у тебя?

- Русский, русский. И писюлёк при нём. Иди. - И дед вновь подтолкнул меня к лестнице.

Я, может, и упёрся бы, да только насмешки по поводу писюлька меня задел. Что я мужчина и отличаюсь от каких-то девчонок, я уже понимал и тем был немало горд.

А наверху !!! Глаза привыкли к темноте и я, поднимаясь, углядел пятерых здоровенных дядек. Двое просто сидели. А двое других охаживали в два веника пятого. Тот покряхтывал и всё приговаривал: «Братцы, славяне, не жалеите! По полной, по полной». Я только и успел заметить, что обеих рук у него нет по самые плечи. И тут он закричал: «Эй, кто там, бзданите ещё шаечку». Загремела железная дверца, зашипела вода на камнях, взвился пар и меня, как сдуло, вниз. А там Дед с припасённой шайкой холоднучей воды. Жах – вода с маху на голову, остужая разгорячённое тельце.

- Дед, ещё! - И ещё одна спасительная шайка, в момент наполненная водой из толстого крана. Незабываемое ощущение! Сразу мурашки выступили.

- А теперь опять наверх, - скомандовал Дед. - Быстро!

- Нееет! - Заверещал я. - Нееееет!

- Идём, идём! - опять воззвал чей-то голос из темноты.

- Нееет! Я боюсь!

- Ха! Он боится! А как ты в солдаты пойдёшь, если боишься?

- Не нужны мне ваши солдаты! Я в матросы хочу.

- Братишка! - зазвучал уже другой голос. - Тем более! Свистать всех наверх!

- Иди, - сказал Дед.

И я пошёл. Кто-то из парильщиков легонько наподдал-наподдал мне веником. Я вновь скатился вниз к Деду под спасительный

холодный водопад. А сверху кто-то неразличимый вослед гулко заметил: «Вот теперь видим, что русский».

Потом дед драил меня свежей лыковой мочалкой, и я жаловался, что мыло ест глаза. А вокруг и рядом мылись взрослые дядьки, у многих из которых тела изъедены были недавней войной. Потом из парной появился явно моряк, у которого на груди рассекал волны наколотый трёхорудийный крейсер. Затем из парной, прихрамывая, вышел и тот, что без обеих рук – весь морковного цвета.

Потом мы с Дедом остывали на лавке в предбаннике, и Дед поздравлял меня и соседа с легким паром. А сосед, обращался к Деду: «товарищ старшина». И они чокались гранёными стаканчиками.

Из поездки на трамвае запомнился только толстый иней на стёклах вагона. А раздевала меня дома Бабушка, выговаривая Деду и за парную, и за распитие – запах она мигом учуяла. Но этого почти и не помню, поскольку дораздевала она меня, когда я уже крепко уснул в её ласковых руках.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66